

Дьяконова Лариса Тахировна

АРХАИЧНЫЙ ТАНЕЦ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируется феномен архаичного танца, обосновывается его синкретическая природа. Автор обращается также к вопросам современной интерпретации архаичных танцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 74-76. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008.01+130.2:793.3

В статье анализируется феномен архаичного танца, обосновывается его синкретическая природа. Автор обращается также к вопросам современной интерпретации архаичных танцев.

Ключевые слова и фразы: танец; архаика; тотем; синкретизм.

Лариса Тахировна Дьяконова

Кафедра философии культуры и культурологии

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

lora2071@yandex.ru

АРХАИЧНЫЙ ТАНЕЦ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[©]

Танец как вид практически-духовного освоения действительности возник в рамках первобытного ритуала. Следует отметить, что в эпоху первобытности танец не мог быть сведен лишь к одной из форм искусства, что стало возможным в более поздние периоды человеческой истории. На заре человеческой цивилизации помимо эстетической составляющей гораздо большее значение имела синкретическая ценность танца. Антропологические исследования позволяют сделать вывод, что танец являлся частью культуры в понимании ее как культа, то есть как религиозный праксис человека, направленный на освоение фундаментальных начал бытия и требующий художественно-творческого воплощения. Данный процесс был возможен лишь в синкретическом единстве ритуала: танца, музыки, магических формул и заклинаний.

Архаичные танцевальные ритуалы не являлись продуктами свободного художественного творчества, а были необходимым элементом сложной системы взаимоотношения с миром. Танец в тот период человеческой истории всегда имел целью соединение человека с могущественными космическими энергиями, расположение к себе влиятельных духов природы. Если ритуал переставал удовлетворять, то он умирал и на его месте формировался новый, более перспективный. В структуре мифологического сознания танец имел колоссальное значение. Совершая ритуальные пляски, человек осуществлял связь с космосом и реализовывал свое отношение к миру, в танце «оживал» мифологический сюжет. Английский физиолог и исследователь искусства Х. Эллис полагал, что танец является проявлением не только духовного жизненного начала, но и свойственностью Вселенной в целом, в которой танец и космос имеют общие законы и параметры, тем самым танец воплощает выражение, действо общего ритма Вселенной [5, с. 134]. Космологическое обоснование природы танца, приводимое Х. Эллисом, возможно и дискуссионное в отношении статуса танца в современном мире, однако в полной мере коррелирует с пониманием роли танца в архаичной культуре.

Советскими учёными был осуществлен анализ древнейших форм хореографического искусства на основе археологических, этнографических и искусствоведческих материалов, в результате которого устанавливались функции танца в общественной жизни первобытных племен, структура и семантика его лексики и орнаментальных мотивов, раскрывались общие тенденции их развития. Так, искусствовед Г. Добровольская связывала процесс происхождения танца с обрядовыми играми, в которых человек претворял свои будущие действия в особых ритуалах, представлениях, имевших для него магическую силу и значимость [2, с. 35-36]. М. Каган в работе «Морфология искусства» рассматривал процесс зарождения и развития танца в рамках первобытного синкретического действия. Он справедливо утверждал: синкретизм танца отражал единство религиозно-практической организации общества, что находило отражение в единстве структуры танца, включающего словесные, музыкальные, танцевальные, пантомимические, графические, живописные и скульптурные средства, где многообразие элементов олицетворяло эффективность обряда [4, с. 184]. Искусствовед Э. А. Королева определяла танец «как способ познания объективно складывающейся в обществе системы ценностей, как способ духовной информации о социально организовавшихся их связях с миром, об общественной ценности природы и бытия самого человека» [5, с. 29]. С. А. Токарев обоснованно полагал, что танец можно отнести к категории, объединяющей двойственную практику познания древнейшего периода, представляющей сложную связь между реалистическим познанием природы, опирающейся на трудовой опыт людей, и превратными, фантастическими представлениями о ней [9, с. 257].

Рассматривая синкретизм как неотъемлемую характеристику первобытного искусства, В. Р. Кабо подчеркивал, что «все формы творчества тесно связаны с многообразной жизнью коллектива, с его трудовой деятельностью, с обрядами посвящения (инициации), с продуцирующими обрядами (обрядами умножения естественных ресурсов и самого человеческого общества, обрядами “делания” животных, растений и людей), с обрядами, воспроизводящими жизнь и деяния тотемических и мифологических героев, то есть с отлитыми в традиционную форму коллективными действиями, играющими в жизни первобытных обществ очень большую роль и общающимися первобытному искусству определенное социальное звучание» [3, с. 23].

И действительно, в жизни архаичных обществ обрядовые танцы были разнообразны, и, пожалуй, каждому виду можно посвятить отдельное исследование. Однако мы остановимся на краткой характеристике обрядовых танцев как социокультурном феномене.

С момента зарождения сознания человека танец символизировал исток необходимой энергии для переживания важных жизненных событий. Танец сопровождал или воплощал в себе знак совершаемого судьбоносного действия как для отдельного представителя определенного сообщества, так и для некой общности в целом. Одними из наиболее древних танцевальных сюжетов-знаков являлись обрядовые танцы инициации, то есть посвящения мальчика или девочки во взрослую половозрелую жизнь. О подобных обрядах перехода, о состоянии пограничности (лиминальности в терминологии Д. Кэмбелла), об их сходстве и особенностях в различных культурах блестяще писали на основе богатейшего этнографического материала такие известные антропологи, как М. Мид, Д. Кэмбелл и др. [6; 7].

Не менее распространенными сюжетами танцевальных обрядовых действий в культуре различных народов являлись тотемические пляски, которые могли длиться, не прерываясь, несколько суток. Ритмически оформленный язык танца, импульсивные телодвижения оказывали сильнейшее влияние на подсознание, а затем и на сознание древних людей. Сегодня архаичные традиции, уходящие корнями в рисунок ритуальной пляски, успешно применяются в современных методах танцетерапии, ставшей необычайно популярной в последние годы в России и за рубежом.

Тотемические пляски являли собой сложные многоактные действия, основной задачей которых становилось уподобление своему могущественному тотему. Совершаемые движения часто остаются вне логического объяснения для носителя иной культуры. Тем более, для современного европейца. Рациональное мышление порой бессильно обосновать сюжет, последовательность, длительность совершаемых танцевальных действий. Однако тотемические ритуалы племен неизменно соединены с космологическими представлениями данной культуры, с ее мифологической системой, которая и поясняет строй тотемических плясок и привлекает на помощь интуитивное познание. В качестве примера дешифровки тотемической пляски Э. А. Королева приводит описание танца крокодила: «...вождь племени, исполняющий этот танец, двигался какой-то особенной походкой. По мере нарастания темпа он все больше прижимался к земле. Его руки, вытянутые назад, изображали мелкую рябь, исходящую от медленно погружающегося в воду крокодила. Вдруг его нога с огромной силой выбрасывалась вперед, и все тело начинало свиваться и скручиваться в острых изгибах, напоминающих движения крокодила, высматривающего свою жертву. Когда он приближался, становилось даже страшно» [5, с. 29].

Веривший в тотем древний человек стремился заручиться поддержкой высших сил, выполняя тотемические пляски, и обращал их действие своему божеству, которое имело огромное влияние на существование отдельного человека и племени в целом согласно вере.

Любопытен пример трансформации традиционных архаичных ритуальных действий и процедур, воплощенных в танце, которые превращаются сегодня в привлекательный пункт туристской программы. В разных уголках мира организовываются туры для любителей популярного нынче экзотического или экологического туризма. Известны примеры создания туристских программ, посвященных исследованию жизни американских индейцев, что предполагает посещение индейских резерваций. Центральным пунктом подобной туристской поездки является присутствие в качестве зрителя или непосредственного участника в ритуальной пляске индейцев, которая среди «опытных» туристов и путешественников получила название «row-wow» [1, с. 65]. Наиболее привлекательными сюжетами танцевального действия в подобных турах являются обряды инициации, воплощенные в танце, танцы плодородия, боевые устрашающие пляски индейцев. Безусловно, для вдумчивого антрополога возникнет вопрос о степени аутентичности исполняемых танцев современными жителями индейских резерваций архаичным традициям их предков, однако для туристского бизнеса подобные вопросы не требуют решения в контексте извлекаемой коммерческой прибыли.

Традиции древних народов находят свое применение в современных туристских танцевальных шоу следующим образом. У древних народов военные ритуальные танцы проходили в мощных ритмизированных формах, что приводило к слиянию участников танцевального действия и зрителей в едином ритмическом пульсе, для высвобождения, согласно верованиям народа, количества энергии, необходимой для военной победы. Давно замечено, что групповые ритмические телодвижения приводят к появлению мистического чувства родства, единения людей друг с другом. Поэтому многие народы имеют в своей истории танцы, построенные по принципу круга, танцы в кругу, сплетая на плечах друг друга руки или просто держась за руки. Во время организованных туристских мероприятий подобные движения выполняются совместно с туристами для усиления эффекта приобщения к исконному аутентичному укладу жизни потомков древних народов или представителей племен, чудом сохранившихся до нашего времени.

И в современное время в архаичных локальных обществах (например, в этнических общинах Африки, Южной Америки, Австралии и Океании и др.), как и тысячелетия назад, социальная обусловленность танца связана с процессом передачи знания о порядке проведения ритуала, суммой религиозных представлений в данной общности. Кроме того, танцевальное действие воспроизводит структуру социальной иерархии исполнителей обряда: отличия функций жрецов, музыкантов и других членов племени, общины в ходе церемонии.

Танцевальное искусство в процессе эволюции культуры человеческого общества на каждом культурно-историческом этапе выступало как механизм выражения духовно-эстетического откровения соответствующей эпохи. Танец всегда не просто занимал определенное место в социокультурной реальности, но и отображал в себе всю культуру определенного исторического времени в ее целостности, что, на наш взгляд, является важным фактом для исследований динамических процессов в танцевальной культуре в узком смысле и в общечеловеческой культуре в широком.

Список литературы

1. Гализдра А. С. Этнографический туризм как реализация концепции национальной политики // Народы саратовского Поволжья. Взгляд из XXI века: материалы региональной научно-практической конференции. Саратов: СОМК, 2008. 154 с.
2. Добровольская Г. Танец. Пантомима. Балет. Л.: Искусство, 1975. 125 с.
3. Кабо В. Р. Синкретизм первобытного искусства // Ранние формы искусства. М.: Наука, 1972. 277 с.
4. Каган М. Морфология искусства. Л.: Искусство, 1972. 184 с.
5. Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишинев: Штиинца, 1977. 215 с.
6. Кэмбелл Д. Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук; АСИТ, 1997. 384 с.
7. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
8. Морина Л. П. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире: материалы науч. конф. 28-30 ноября 2001 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 118-124.
9. Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. 257 с.

ARCHAIC DANCE: PROBLEM FORMULATION**Larisa Takhirovna D'yakonova**

*Department of Culture Philosophy and Culturology
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
lora2071@yandex.ru*

The author analyzes archaic dance phenomenon, substantiates its syncretic nature and also appeals to the questions of the modern interpretation of archaic dances.

Key words and phrases: dance; archaic character; totem; syncretism.

УДК 947

В статье рассмотрены важные социальные и демографические характеристики городского населения Тамбовской губернии во второй половине XIX в. в период модернизации. Особое внимание уделено двум важнейшим и крупным группам городского населения: крестьянству и традиционным городским сословиям (городским обывателям).

Ключевые слова и фразы: городское население Тамбовской губернии; социально-демографические характеристики; модернизация; крестьянство; городские обыватели.

Дмитрий Павлович Жеребчиков*Кафедра «История и философия»**Тамбовский государственный технический университет**ditrich87@mail.ru***ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[©]**

Великие реформы 60-70-х гг. XIX в. обусловили начало больших изменений в развитии России. В это время начался долгий и трудный процесс модернизации - перехода огромной страны от аграрного и традиционного общества к индустриальному. Локомотивом любой модернизации являются, прежде всего, города и их население. При модернизационных процессах именно в городах наблюдаются значительные изменения во всех сферах общества. Анализируя эти изменения, можно судить об уровне развития общества, характере и степени успешности модернизационных процессов. При изучении изменений в период модернизации, безусловно, важно опираться на фактический материал, который представлен, прежде всего, статистическими источниками. Выбирая в качестве объекта исследования городское население провинциальной и аграрной Тамбовской губернии, можно выяснить, какой характер носили в этом регионе процессы урбанизации и модернизации. Городское население губернии проанализировано в социально-демографическом ключе. Рассмотрены важнейшие характеристики тамбовского городского населения в период второй половины XIX в.: численность населения, сословный состав, соотношение мужского и женского населения, возрастной состав, уровень грамотности и образования. Основное внимание уделено двум важнейшим группам городского населения: крестьянству и традиционным городским сословиям (городским обывателям).

Прежде всего, следует рассмотреть *численность населения* тамбовских городов в этот период. Число городских жителей в Тамбовской губернии в пореформенный период заметно увеличилось. Перед самым